

Александр

РЕСИН

г. Москва

НЕИЗВЕСТНОЕ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

Всем интересующимся историей СССР известно знаменитое «Дело врачей» 50-х годов – уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. Всё – от начала до конца – было сфабриковано, и только смерть Сталина позволила прекратить это дело и освободить оставшихся в живых неповинных людей.

Оказывается, вышеупомянутое дело врачей было не первым, и в 1933 году в Москве и области уже было дело врачей, также сфабрикованное органами, успешно проведенное и позволившее многим руководителям этого процесса построить карьеру и осудить ни в чем не повинных врачей, нанеся сильнейший удар по здравоохранению Москвы и области.

Многие из тех, кто фабриковал дела в 30-е, позднее продолжали делать то же самое.

Об этой странице нашей истории мало кто знает.

Одним из списка обвиняемых по делу врачей был прадед моей жены, врач Славский Константин Георгиевич, в то время хирург Петровской больницы в подмосковном Алабино.

На момент ареста ему было уже 63 года. В Петровской больнице он был главным врачом и заведующим хирургическим отделением с 1906 по 1913 год и с 1920 по 1927 г.

Род Славских вел происхождение из запорожских казаков. Константин Георгиевич родился 1 октября (18 сентября по старому стилю) 1870 года в Дмитровском уезде Орловской губернии в многодетной семье священника, настоятеля церкви, протоиерея, награжденного за многолетнюю службу редким орденом Святой Анны первой степени, дающим право на потомственное дворянство.

Доктор Славский окончил церковно-приходскую школу, а затем Орловскую духовную семинарию. Все дети в семье Славских стали или священниками, или врачами. После семинарии Константин окончил медицинский факультет Томского университета – единственного университета в царс-

кой России, дающего медицинское образование выпускникам духовных учебных заведений.

В 1896 году Славский начал работу практикующего земского врача в родных местах Орловской губернии.

С 1906 года Константин Георгиевич начал работать в Петровской больнице в Алабино. С 1907 по 1913 год он был хирургом и одновременно заведующим больницей.

В дореволюционное время он стал известным врачом, опубликовал ряд статей по проблемам земской медицины. Некоторые материалы остаются актуальными и поныне. Например, статья «К вопросу об огнестрельных ранениях желудка и поджелудочной железы с описанием случая, кончившегося выздоровлением». Русский врач, 1904 г., № 3.

В 1911 году был в зарубежной командировке от Московского губернского земства в Германии и Австрии для изучения там лечебно-профилактической системы. Он участвовал во всех начиная с 1902 года Пироговских съездах и стал членом редакции журнала Пироговского общества врачей «Общественный врач».

Пироговские съезды были методическим центром и трибуной земской медицины. Съезды являлись самым представительным медицинским форумом России, в котором участвовали тысячи врачей. В промежутках между съездами действовало правление общества. С 1895 года Пироговское общество выпускало «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова» (позднее «Общественный врач»).

После разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918 года начался разгром Земской системы и земского здравоохранения. Покатались репрессии. Здравоохранение полностью было переведено на государственное управление и финансовое обеспечение. Пироговская организация врачей в ответ на неприятие новой советской медицины, при которой администраторами стали не врачи, а партийные работники, была ликвидирована, а журнал «Общественный врач» закрыт.

Новые власти не могли простить отношение к их действиям авторов журнала. Например, в номере за ноябрь-декабрь 1917 г. в журнале была выражена крайне отрицательная реакция на октябрьский переворот со стороны врачей. В воззваниях «Общества русских врачей» и других медицинских организаций звучали следующие фор-

мулировки: «В настоящий момент фактического отсутствия центральной государственной власти и определившегося направления деятельности Совета Народных Комиссаров, ставшего на путь попрания основ народоправства...», а также такие определения власти, как «завладевшая властью группа насильников... Они воскресили все худшие и наиболее преступные приемы отошедшего было в прошлое царского режима. Нет преступления против прав гражданина, прав народной воли, перед совершением которых они бы остановились». Интересно и хроника, напечатанная в журнале «Царь голод» – о голоде, охватившем многие губернии.

Начавшаяся Гражданская война, крайняя нищета населения и здравоохранительной системы привели к тому, что треть российских врачей эмигрировали, а из оставшихся в результате войны, репрессий, голода и болезней выжило менее половины.

Обо всех этих событиях доктор Славский начал писать воспоминания примерно в 1924 году. В 1929 году рукопись была готова и под названием «Пережитое и думы» отправлена на прочтение и рецензию наркому здравоохранения Семашко, которого Славский знал еще с дореволюционных времен.

Семашко написал рецензию, заявив, что в книге много контрреволюционного, но все же отправил ее в печать в издательство Наркомздрава. Уже был сверстан печатный набор, но Семашко был снят с поста наркома, и новое руководство, нарком М.Ф. Владимирский, которого Славский также знал лично, приказал рассыпать набор, и книга не была напечатана. Никаких объяснений, почему был рассыпан набор, доктор Славский не получил, но, скорее всего, власти не решились печатать книгу, в которой описывалась жизнь врача, в том числе и в дореволюционные времена, а значит, была видна огромная разница в уровне жизни и положении врача до революции и после.

Эту разницу можно почувствовать и сейчас, просто придя на могилу доктора Славского на кладбище рядом с больницей. Буквально напротив его могилы находится могила доктора А.Г. Архангельской, одной из первых земских женщин-врачей в губернии, первой заведующей Петровской больницы, преемником которой стал доктор Славский.

Архангельская умерла в 1905 году, и на ее могиле благодарное земство поставило прекрасный монумент в память о человеке, который посвятил всю свою жизнь спасению людей. На моги-

ле же доктора Славского, умершего в 1946 году и посвятившего более 50 лет лечению и спасению тысяч людей, стоит скромная доска, поставленная родными, с датами жизни и смерти.

Константин Георгиевич, став заведующим, сосредоточился на делах больницы, привлекая новых талантливых врачей, организовывал практические курсы для студентов, врачебные уездные конференции и совещания. Врачебная организация тогдашнего Звенигородского уезда возглавлялась известным врачом Дмитрием Васильевичем Никитиным, бывшим личным врачом сначала Льва Толстого, а затем Максима Горького.

В 1928 году прекрасно работающую систему здравоохранения в Звенигородском районе разрушили, а самого Никитина и доктора Н.Н. Печкина уволили за то, что они подписали протест населения против закрытия церкви. При этом Н.Н. Печкин был старым членом РСДРП, входившим в один марксистский кружок с Инессой Арманд с 1904 года. Он вышел из партии в знак протеста против зверств революции и Гражданской войны.

Константин Георгиевич тоже был уволен в 1928 году из-за конфликта с партийным руководством в новом Нарофоминском районе, куда была отнесена Петровская больница. Никакой пенсии ему не назначили, несмотря на то что он был главным врачом в течение многих лет и имел право на социальное пособие после 25 лет стажа, который у него составлял тогда уже 32 года. Из квартиры при больнице их выселили как не работающих, и он приобрел небольшой домик там же в селе Алабино.

Больница без Славского под новым руководством стала хиреть, и врачи стали уходить. Как писал в своих воспоминаниях другой врач, также арестованный затем по делу врачей, М.М. Мелентьев: «В больнице стало очень худо, и надо покидать Петровское-Алабино как можно скорее». Но он не успел, как и многие другие врачи...

В январе 1933 года начальник секретно-политического отдела ОГПУ по Московской области Радзивиловский придумал антисоветскую организацию врачей Подмосковья.

В предводители Радзивиловский выбрал врача Дмитрия Никитина, органам для значимости дела нужен был человек известный.

В. Тополянский, кандидат медицинских наук, обозреватель «Новой газеты» и автор книг об истории советской медицины, так описывает при-

чины появления «Дела врачей»: «На рубеже двух незабываемых периодов в истории сталинской империи – Великого перелома с погромом, главным образом крестьянства, и Большого террора с покаранием всех слоев населения – подмосковные чекисты замыслили отловить вредителей также среди врачей.

Очевидно, высокие инстанции подготовили очередную разнарядку по корчеванию квалифицированных специалистов вообще и врачей в частности. Число доносов на медицинский персонал больниц и амбулаторий могло превысить критическую массу. Органам показалось заманчивым возложить на отдельных популярных врачей всю ответственность за конкретные грехи и всяческие бедствия советской системы здравоохранения.

В подготовленном обвинении говорилось: «В бытность свою заведующим Звенигородской больницей Никитин являлся руководителем тесно спаянной махровочерносотенной группы из среды медицинской интеллигенции, являющейся ответвлением Московской контрреволюционной врачебной организации. Эта звенигородская контрреволюционная группа во главе с Никитиным систематически вела среди населения контрреволюционную деятельность, направленную на срыв и дискредитацию мероприятий, проводимых партией и правительством. По инициативе группы Никитина был организован массовый протест против закрытия церквей.

После снятия Никитина с работы заведующего больницей за открытое антисоветское выступление контрреволюционной группой врачей под его руководством был организован протест против действий местных партийных и советских организаций, под составленным ими заявлением, требующим отмены соответствующего решения, собирались подписи населения. Для обсуждения вопросов контрреволюционного характера группа собиралась друг у друга на квартирах».

Доктор Славский тоже попал в список этой мифической организации. Но чекисты сразу же столкнулись с осложнениями. При задержании у доктора разыгрался тяжелый приступ грудной жабы. Срочно вызванные из Петровской больницы врачи констатировали: «Доктор Славский К. Г. является ограниченно трудоспособным, сохраняет способность к передвижению только на небольшие расстояния».

Не желая возиться с инвалидом, чекисты удовлетворились многочасовым обыском в его доме с изъятием «разной переписки». Славскому повезло, его состояние позволило ему остаться на

свободе, но на этом чекисты не успокоились. В 1935 году по доносу был арестован сын Георгий, работавший ветеринаром, и выслан в Казахстан, где он в 1936 году умер. У него осталась жена с тремя малолетними детьми, которую нигде не желали брать на работу за дворянское происхождение и как жену «врага народа», несмотря на высшее образование и знание 5 языков.

В списке членов контрреволюционной медицинской организации, арестованных вслед за Никитиным, насчитывалось 20 человек:

1. Александрова Анна Васильевна, 51 год, врач Кубинской больницы Звенигородского района;

2. Боголюбов Константин Александрович, 64 года, «из семьи служителя религиозного культа», главный врач Истринской больницы;

3. Величкин Сергей Петрович, 50 лет, главный врач Никольской больницы Красногорского района;

4. Владыкина Екатерина Николаевна, 56 лет, врач Никольской больницы Красногорского района;

5. Дмитриева Евгения Дмитриевна, 45 лет, хирург Боткинской больницы;

6. Зотов Семен Иванович, 49 лет, терапевт Кремлевской больницы;

7. Кайзер Валентин Карлович, 57 лет, потомственный дворянин, терапевт и микробиолог, участник Первой мировой и Гражданской войн, преподаватель 2-го МГУ до 1930 года, затем сотрудник Института им. Н.В. Склифосовского;

8. Краевский Александр Николаевич, 54 года, потомственный дворянин, терапевт, сотрудник МОКИ;

9. Крафт Андрей Федорович, 51 год, врач Петровской больницы Нарофоминского района (в поселке Алабино);

10. Мамаев Борис Михайлович, 51 год, хирург Загорской больницы;

11. Мелентьев Михаил Михайлович, 51 год, терапевт, участник Первой мировой войны, врач Петровской больницы Нарофоминского района;

12. Михайлов Андрей Федорович, 58 лет, терапевт, сотрудник физиотерапевтического института в Ховрине;

13. Новохатный Иван Васильевич, 63 года, санитарный врач в Дмитрове;

14. Печкин Николай Николаевич, 57 лет, сын купца 2-й гильдии из Рыбинска, хирург, заведующий лечебницей в Солнечногорске до 1930 года, затем сотрудник физиотерапевтического института в Ховрине;

15. Рябинкин Владимир Николаевич, 56 лет, потомок московского купца 2-й гильдии, терапевт,

главный врач МОКИ до 1930 года, затем штатный ординатор санчасти Наркомата иностранных дел;

16. Славский Константин Георгиевич, 63 года, хирург Петровской больницы Нарофоминского района;

17. Твердин Михаил Степанович, 53 года, «сын служителя религиозного культа и брат поручика Твердина, осужденного в 1931 году на 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) за контрреволюционную деятельность», врач Никольской больницы Красногорского района;

18. Тюрина Мария Ивановна, 50 лет, фельдшер-ица Никольской больницы Красногорского района;

19. Ходков Владимир Николаевич, 48 лет, хирург, до 1930 года сотрудник МОКИ, потом заведующий операционным корпусом ЦИТО;

20. Холин Николай Константинович, 59 лет, популярный московский хирург, участник Русско-японской войны, заведующий хирургическим отделением МОКИ до 1931 года, затем старший врач 4-й Градской больницы.

Следствие курировал сам Радзивилловский. Допросы арестованных проводили его помощник Рогожин и оперуполномоченный В.Т. Аленцев, два года назад отозванный на службу в ОГПУ с должности ответственного секретаря Воскресенского райисполкома. Как вспоминали арестованные врачи, Рогожин предпочитал работать кулаками и сквернословием; Аленцев же еще только натаскивался на этом первом в его практике деле и поэтому держался то довольно нескладно, то излишне развязно.

13 июля 1933 г. «тройка» полномочного представительства ОГПУ по Московской области вынесла свой вердикт заключенным: двоих врачей выпустили из Бутырского изолятора «за отсутствием достаточных данных для обвинения», пятерых также освободили из-под стражи, лишив их «права проживания» в 12 крупных городах сроком на 3 года, 11 врачей осудили на трёхлетнее заключение в исправительно-трудовых лагерях. Никитину и Печкину присудили пятилетнее заключение. Через полтора месяца, 27 августа, коллегия ОГПУ этот приговор утвердила, 16 сентября та же коллегия заменила лагерное перевоспитание «заговорщиков» на административную высылку в отдаленные города страны, но об этом решении заключённые узнали лишь 3 октября. Все они получили пресловутую 58-ю статью.

Времена все-таки были еще либеральные, по сравнению с периодом, наступившим после убийства Кирова, и, как вспоминал доктор Ме-

лентьев, после пребывания 7 месяцев в Бутырке и допросов его наконец вызвали с вещами. Дверь камеры захлопнулась, и в коридоре он увидел всех своих «сообщников», знакомых и незнакомых: Д.В.Никитин, Н.Н.Печкин, профессор Холлин, доктор Краевский, доктор Кайзер и другие – всего 14 человек. Все с мешками, взволнованы, но все держатся и даже стараются шутить. Их вывели в «пересыльную» и, не вводя в камеру, дали прочитать каждому приговор по его делу. Все, кроме Никитина и Печкина, получили по 3 года лагерей, первые же двое по пять лет.

Почему именно доктор Никитин был выбран на роль главаря, есть разные версии. Кто-то считает, что сыграла роковую роль его заграничная командировка к Горькому в Италию, во время которой пролетарский писатель и доктор разошлись в политических взглядах. Да и социальное происхождение врача было явно не в его пользу. Другие видят в этом повод подобраться к более значимым персонам, например, к профессору Плетнёву, в клинике которого Никитин работал перед арестом. Позже, в 1938 году, Плетнёва обвинят в «умерщвлении» Горького.

Доктор Никитин по приезду в Москву стал работать в терапевтической клинике, которую возглавлял профессор Плетнёв. Оба принимали участие в лечении Горького. Поэтому неудивительно, что Плетнёв во время процесса по «делу» кремлёвских врачей 1938 г. показывал на следствии, что Г.Г. Ягода шантажировал его связью с «группой Никитина». Желая подчеркнуть неблагодарность Плетнёва, государственный обвинитель А.Я. Вышинский (ставший к тому времени генеральным прокурором СССР) напомнил суду также о знакомстве профессора со ссыльным Никитиным.

Никитина во время следствия выпустили из Бутырской тюрьмы, заменив меру пресечения на подписку о невыезде. Причиной «милости» стала болезнь Горького. Алексей Максимович в мае 1933 г. заболел воспалением легких и вновь вспомнил о своем докторе. До выздоровления писателя Дмитрий Васильевич прожил у него, но затем его опять вернули на нары. А осенью 1933 г. сослали на пять лет в Архангельск.

В письме С.П. Шульгину в июне 1959 г. он лаконично упомянул: «В 1933 году я был сослан в Архангельск», а на вопрос о причинах ссылки уклончиво ответил в следующем письме (от 27 июля 1959 г.): «О причинах ссылки мне говорить трудно». Да и не мог Никитин в то время ответить открыто.

«Главарь врачей-контрреволюционеров» Д. Никитин вместо пяти лет прожил в ссылке двадцать. В Архангельске он поселился на житье в частном доме А.К. Койтовой и прожил у нее все 20 лет ссылки. На работу устроился в городскую поликлинику терапевтом, с февраля 1936 г. стал читать курс лекций по инфекционным заболеваниям в Архангельском медицинском институте.

Параллельно Дмитрий Васильевич занимался научными исследованиями. Темы его научных работ – диагностика, лечение и профилактика инфекционных болезней: корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, инфекционная желтуха, дизентерия.

Он основал в Архангельском мединституте кафедру инфекционных болезней и возглавил ее. Дмитрия Васильевича очень ценили и студенты, и коллеги.

В книге В.Тополянского приводится сохранившееся письмо Никитину от студентов института.

«Дорогой Дмитрий Васильевич!

Коллектив студентов 5-го курса Архангельского государственного медицинского института приносит Вам глубокую благодарность за образцовую работу по воспитанию молодых советских кадров.

Ваша упорная, добросовестная, честная работа вместе с ассистентом вашей кафедры будет служить живым примером для нас, будущих работников медицины.

Ваша кафедра всегда вызывала интерес к науке, потому что давала нам и богатый теоретический материал, и обширные практические навыки.

Высокая культура Ваших лекций, глубина, доходчивость и простота изложений не только специализировали нас в узком смысле, но и воспитывали вообще.

Они были проникнуты чувством гуманности к больным и чувством большой заботы вообще о человеке.

Желаем и впредь Вам, Дмитрий Васильевич, пользоваться таким же авторитетом и любовью своих учеников и продолжать свой скромный труд на благо нашей Великой Родины.

Староста 5-го курса Жураховский

Парторг курса Фёдоров

Комсорг курса Мариева

Председатель профбюро курса Якобсон».

Его бывший студент, впоследствии полковник медицинской службы Григорий Кулижников, написавший книгу «Л.Н.Толстой и медицина», вышедшую в 1999 году в издательстве ТЦ «Сфера», так описывал доктора Никитина:

«Во внешнем облике Дмитрия Васильевича, наряду со старомодностью, было много такого, что

заставляло проникнуться к нему уважением с первого взгляда: поседевшая «чеховская» борода, придававшая его лицу черты благородства и добродушия, неподдельная солидность в манерах, которую как бы подчеркивали его ладно скроенный темно-синий костюм-тройка с часами в левом нижнем кармане жилетки и белоснежная рубашка с крапчатым галстуком, повязанным узлом, и ко всему – живые серые глаза, устремленные во время лекции на нас, студентов».

Жил в Архангельске доктор Никитин очень скромно. Все его богатство составляли книги и цейсовский микроскоп, который он подарил потом институту.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на возраст и болезни, Дмитрий Васильевич много трудился: писал статьи, выступал с докладами на конференциях, преподавал на курсах усовершенствования медперсонала Северного флота.

Дмитрий Никитин был награжден медалями «За оборону Советского Заполярья», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», почетным знаком «Отличник здравоохранения».

Находясь в ссылке, Д.В. Никитин сделал несколько попыток добиться освобождения. После окончания «ежовщины» он написал председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову письмо с просьбой о снятии с него судимости:

«В 1933 году я был осужден на пять лет и отбывал наказание на вольном поселении в городе Архангельске. По моему прошению срок на год мне был сокращен в 1935 году и окончился в январе 1937 года. С первого же года ссылки я стал служить по своей специальности – врачом в ряде лечебных заведений в Архангельске. В настоящее время я заведу кафедрой инфекционных болезней Архангельского медицинского института, одновременно состою консультантом поликлиники специального назначения. Мне 65 лет, в прошлом году со мной был удар. Ввиду моего одиночества, преклонного возраста и болезни жизнь вдали от родных для меня крайне тяжела. Прошу о снятии с меня судимости, что дало бы мне возможность вернуться в Москву. 1 февраля 1940 года».

Письму доктора энергично поддержали Пешкова и С.Л. Толстой – сын писателя. Тем не менее все ходатайства положили, по обычаю, под сукно. Лишь 14 мая 1941 г. сержант государственной безопасности Лошак смастерил официальную резолюцию в ответ на прошение личного врача двух знаменитых писателей. По утверждению сержанта, в 1931 г. Никитин, «сын попа и бывший

эсер», сколотил контрреволюционную организацию для «свержения советской власти при помощи интервенции, подготовки вооруженного восстания крестьян внутри страны, а также реставрации капитализма в СССР». На этом основании Особое совещание при наркомте внутренних дел СССР 31 мая 1941 г. постановило: «В снятии судимости Никитину Дмитрию Васильевичу отказать».

Прошло 7 лет, и очередные иллюзии относительно послевоенного ослабления репрессий побудили Никитина 27 июля 1948 г. подать новую апелляцию. На этот раз он адресовался к председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику:

«Я врач, мне 74 года. Осенью прошлого года исполнилось 50 лет моей врачебной деятельности. По окончании курса в Московском университете я был ординатором клиники профессора Остроумова в Москве. Затем полтора года я был домашним врачом Льва Николаевича Толстого, пока к нему не подыскали врача Маковицкого. Приезжал к нему для консультаций в дальнейшем раза четыре в год и по вызову во время его более серьезных заболеваний. Был вызван на станцию Астапово, где оставался до его кончины. Никакой вины перед родиной не имею. В мае 1933 года я был временно освобожден из тюрьмы для лечения А.М. Горького от воспаления легких. Горький поправился. В конце августа того же года меня вернули в тюрьму, а через месяц выслали в Архангельск. Прошу Вас о снятии с меня судимости. Прошу при этом учесть мой преклонный возраст и связанное с этим плохое здоровье».

Верная своему долгу, Е.П. Пешкова немедленно принялась хлопотать за доктора, оказавшего много услуг ее супругу Максиму Горькому. Кроме нее со своими ходатайствами выступили директор Архангельского медицинского института, заведующий областным отделом здравоохранения и даже начальник местной воинской части. Каждый из них упомянул о самоотверженной работе профессора Никитина в военном госпитале и о награждении его медалями «За оборону Советского Заполярья», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Однако майор Губинский из архивного управления 16 февраля 1949 г. предложил от снятия судимости воздержаться, «учитывая, что прошлая антисоветская деятельность Никитина является социально опасной», и 10 декабря того же года Особое совещание при министре государственной безопасности СССР вновь отказало доктору в его просьбе.

Лишь в 1953 году, уже после смерти Сталина, 80-летнему опальному доктору разрешили переехать в столицу. Последние годы он занимался литературной работой – писал воспоминания о Л.Н. Толстом и А.М. Горьком. Еще в годы ссылки, в 1953 г., Институт истории, естествознания и техники АН СССР обратился к Никитину с предложением принять участие в составлении книги «Горький и наука», в частности, написать воспоминания о нем и об отношении Горького к науке и медицине. И он по-прежнему лечил людей, обращавшихся к нему за помощью.

Умер он 9 января 1960 года на 86-м году жизни и похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

Через 10 месяцев после его смерти, 12 ноября 1960 года, президиум Московского областного суда вынес постановление о реабилитации всех участников «Дела врачей» Москвы и Московской области образца 1933 года.

Часть личного архива доктора Никитина находится в Архангельске в кафе-галерее «Степановъ». Особую ценность среди различных фотографий и документов представляют собой письма жены Горького – Екатерины Пешковой и переписка доктора Никитина с Л.Н. Толстым, там же находится и томик сочинений Толстого, который писатель подарил своему врачу.

Другой арестованный врач Н.Н.Печкин был выслан в лагерь в Кемь. Здесь, в Кеми, начиная с 20-х годов был создан первый официальный политический лагерь, служивший сборным пунктом при отправке политических заключенных из всех районов СССР в Соловецкий лагерь особого назначения. Там совершенно случайно он услышал еще одну версию причины их ареста.

Так вспоминает рассказ Печкина другой арестованный врач – М.М. Мелентьев:

«Вскоре же после его приезда в Кемь заболела жена самого высокого лагерного начальства. Печкин определил у нее внематочную беременность. Требовалась немедленная операция. Начальство сомневалось доверить ее Печкину, но было вынуждено обратиться к нему. Операция прошла благополучно. И вот недели через две-три начальство пригласило Печкина к себе домой на чашку чая. И вот оно, это начальство, и рассказало: «Ты думаешь, Николай Николаевич, что я не знаю настоящей причины твоего ареста и считаю тебя в чем-либо виноватым? Дело все в том, что Ягоде нужно было убрать от Горького доктора Никитина... Он и арестовал его. Но, оказалось, труд-

но было состряпать какое-либо обвинение против него, да и защитники были у него сильные. И вот Ягода был вынужден посадить в тюрьму ближайшее к Никитину врачебное окружение. Так попал и ты. А я как раз в это время был в Москве, и вся эта махинация проходила на моих глазах...»

Архивное дело Печкина находится в ГА РФ. Д. П-65272.

М.М. Мелентьев – еще один из арестованных врачей Петровской больницы – оставил свои воспоминания. (Мелентьев М. М. Мой час и мое время: Книга воспоминаний. – СПб.: Ювента, 2001. – 776 с.) В них описаны методы следствия по делу врачей, в которых сами следователи сочиняли признательные показания и заставляли подсудимых подписывать их.

Из воспоминаний Михаила Михайловича Мелентьева:

«В десять часов утра меня вызвали к следователю. «Занимался» со мною Аленцев. Несомненно, он натаскивался на мне, приобретая профессиональные навыки. Был неловок, излишне развязан, глуп. Я не стал вовсе разговаривать с ним. И он с плохо разыгранным гневом отослал меня.

Вернувшись в камеру, я стал расспрашивать Александра Николаевича Краевского, что значит весь этот дурной сон? И он ответил мне, что так же мало знает, как и я, но от него требовали показаний в участии в контрреволюционной врачебной организации, и он признался. Остальные в камере тоже подтвердили, что другого выхода нет и быть не может. Для чего «это» нужно, никто не знает, но что это «так нужно», все знают. «Вас будут допрашивать и мучить все равно до тех пор, пока вы не признаетесь. Проще сразу написать, что им нужно. Не путайте только людей лишних в это дело, а ограничивайтесь теми, кто уже признался». А профессор Гидулянов сказал: «Я написал вчера у следователя «роман» и об одном просил его, чтобы никому из моих товарищей и знакомых этого романа не читали и не показывали».

Сосланные врачи продолжали свою работу, спасая людей.

Чудом избежавший ареста Славский, когда началась Великая Отечественная война и фронт приблизился вплотную к Алабино, видя, что больница опустела и большинство персонала просто сбежало, встал к операционному столу, чтобы спасти раненых. Вместе с ним осталась работать старшая дочь Ольга, к тому времени тоже ставшая врачом, потерявшая мужа военврача, погибшего на финской войне.

Больницу бомбили и обстреливали. Были разрушены амбулатория и дом с квартирами среднего персонала.

Вот что писала врачу М.М. Мелентьеву пациентка Петровской больницы Анна Крюкова из ближайшей деревни Кокошкино весной 1942 года. «Вся больница только и держится у нас на Славском. А он едва двигает ногами, но тот же взгляд, ясность мысли, вдумчивое отношение к жизни и радушное гостеприимство».

Вот строчки из воспоминаний Славского: «Устал я от войны. Старческие мозги видели в ней не победы и одоление, не торжество свободолюбивых, мирных, демократических наций, а миллионы убитых, в жестоких муках погибших людей. В Петровской больнице пребывали медсанбат, санитарные роты и полевые госпитали. Последние главным образом размещались в хирургическом бараке, где в бывшем рентгеновском кабинете я имел приют и круглосуточно работал и жил вместе со своими пациентами со 2 декабря 1941 года. Каждые сутки прибывали сюда 200-300 раненых. Часто оперировал ночами».

Пока доктор Славский круглосуточно находился в больнице, его дом полностью разграбили, украл даже табуретки.

А наградой доктору Славскому стало распоряжение главного врача Федюкиной, сбежавшей из больницы в период бомбежек и обстрелов, вернувшейся только тогда, когда стало ясно, что немцев отогнали, в апреле 1945 года, уменьшить доктору Славскому зарплату. Обидевшись, он уволился из больницы...

Книга воспоминаний доктора Славского все-таки была напечатана в 2015 году под названием «Не Бог не Дьявол Я врач (мемуары врачей)» под редакцией В.И Шапкина. В нее вошли и воспоминания Славского – «Записки земского врача».

О профессиональном героизме Славского во время войны свидетельствует текст его наградного листа.

Доктор СЛАВСКИЙ КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ, 1870 г. рождения, беспартийный, русский, хирург-консультант Петровской больницы Наро-Фоминского района.

С 1929 г. т. Славский находился на пенсии, но когда началась Отечественная война и враг подкатывался к Москве, он добровольно приступил к работе в больнице. В период с 19.10.41 г. по 25.01.42 г. с фронта, расположенного по реке Нара, в Петровскую больницу поступало большое

количество раненых из частей Красной армии и гражданского населения. Тов. Славский, не считаясь ни со временем, ни с бомбардировками, производил многочисленные операции и благодаря своей высокой квалификации спас много жизней воинам Красной армии и гражданскому населению. 1-2 декабря 1941 г., когда враг прорвался к д. Юшково и танки противника подошли к окраинам с. Петровское, где расположена больница, т. Славский продолжал работать, хотя в это время немцы подвергли больницу ожесточенному артобстрелу и бомбардировке.

Доктор Славский за свою работу во время войны был награжден орденом Трудового Красного Знамени». Приказ №: 214/371 от: 17.09.1943 Архив: ГАРФ.

Все врачи, проходившие в 1933 году по делу о вымышленной контрреволюционной медицинской организации, и осужденные, и оставшиеся на свободе, честно выполняли свой человеческий и гражданский долг, продолжая лечить и спасать людей. Но только в 1960 году все они были реабилитированы за отсутствием состава преступлений.

М.М. Мелентьев второго ноября 1960 года получил следующее письмо:

«Прокуратура Московской области.

Сообщаю, что по Вашему делу, по которому Вы были осуждены в 1933 году, прокурором области внесен протест в Мособлсуд, откуда о принятом решении Вам будет сообщено дополнительно».

А седьмого декабря того же года он получил из Облсуда Московской области справку:

«Постановлением Облсуда от 12 ноября 1960 года отменены постановления тройки ПП ОГПУ и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено».

Придумавший дело врачей Александр Радзивилловский благодаря ему продолжил делать карьеру.

С 14 мая 1933 года по 20 марта 1935 года он становится помощником полномочного представителя ОГПУ – начальника Управления НКВД по Московской области. С 20 марта 1935 года по 20 июля 1937 года – заместитель начальника Управления НКВД по Московской области.

29 ноября 1935 года получает звание старший майор госбезопасности, что соответствовало армейскому званию комдива. С 20 июля 1937 года по 28 февраля 1938 года – начальник Управления НКВД по Ивановской области. С февраля по март 1938 года – в распоряжении Управления кадров

НКВД СССР – и.о. заместителя наркома внутренних дел Украинской ССР. С 28 февраля по 13 сентября 1938 года – начальник 3-го отдела 3-го (транспортного) Управления НКВД СССР.

Награжден орденами Ленина (1937), Красного Знамени (1932), «Знак Почета» (1936), знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ». Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Следователи, успешно разоблачившие «антисоветскую организацию» врачей, были отмечены за свое служебное рвение.

Аленцев и Рогожин удостоились поощрения: «за беспощадную борьбу с контрреволюцией», первый снискал нагрудный знак «Почетный работник ВЧК-ОГПУ», второго повысили в должности.

Аленцев благополучно миновал период Большого террора, удачно воевал, избежал послевоенных репрессий и в августе 1959 г. ушел в отставку с поста заместителя начальника Управления КГБ Московской области. А Рогожина расстреляли 13 апреля 1939 г. и не реабилитировали.

Старшего майора государственной безопасности Радзивиловского, арестовали 13 сентября 1938 г., расстреляли 24 января 1940 г. и тоже не реабилитировали. На одном из допросов Радзивилковский признался: «Все показания об их (подследственных) якобы антисоветской деятельности получались, как правило, в результате

истязаний арестованных, широко применявшихся как в центральном аппарате, так и в периферийных аппаратах НКВД».

История сфабрикованного дела врачей Москвы и области 1933 года в дальнейшем неоднократно повторялась. Следом будет еще много процессов 30–40-х и начала 50-х годов, которые сломали жизни миллионам людей и которые были характерны для сталинской эпохи нашей истории.

□

Александр РЕСИН

родился в Москве в 1961 году.

По специальности биолог и географ.

Работал в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова АН СССР, в Институте охраны природы и заповедного дела Министерства экологии и природных ресурсов СССР, в совместной советско-вьетнамской экспедиции и в Монреальском университете в Канаде.

Неоднократно публиковался в журналах

«Москва», «Север», «Работница».

Дипломант конкурса «60 плюс» журнала «Москва»

в номинации «Журналистика».

